

P. P. Deryugin, I. A. Baruzdin
Saint Petersburg State University

S. V. Kurapov
Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

METHODOLOGICAL AND METHODICAL BASIS OF THE NETWORK APPROACH TO THE STUDY OF SOCIAL IDENTIFICATION

The article is devoted to the compilation and analysis of existing methodological approaches to research of the process of social identification in the philosophical and sociological science. The characteristics of the process of social identification are revealed on philosophical and sociological level. The history of the formation of the concept of identity, a brief review of the ideas associated with the study of identity in the areas of philosophy and psychology is considered. The approaches to the research of the identification process in different schools and directions of sociology are considered. The major sociological aspects of studying an identification problem among the Russian youth are identified. The heuristic network method to study identification revealed the benefits of its axiological direction. The effect of values on the identification choice of today's youth is indicated.

Identification as a form of socialization, identification and identity, values and the process of social identification, the problems and difficulties of social identification of young people, a network analysis of the process of social identification

УДК 314.74

М. П. Замотин

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

МИГРАЦИОННАЯ ТЕМАТИКА В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЭТНОСОЦИОЛОГИИ

Рассматриваются миграционные исследования и вопросы с позиции значимости для этносоциологического пространства изучения миграционных проблем в России и связанных с ними проблем этносоциологии, таких как идентичность, этничность, конфликт, этническая структура. Обращается внимание на проблему этничности и подходы к ее интерпретации. Особое внимание уделяется этнической миграции как явлению, а также подходам к ее изучению. В статье рассматривается ряд проблемных областей в изучении этнической миграции: поколенческая проблема, стратегии адаптации в городской среде (на примерах конкретных исследований), политическое измерение миграции, дискриминационные социальные практики, формирование социальных сетей мигрантских сообществ.

Этносоциология, этничность, миграция, идентичность

Этносоциология как раздел социологии в СССР появилась в 1960-х гг. и оформилась как самостоятельное научное направление на стыке социологии и этнографии. Этническая социология относится к теориям среднего уровня, в рамках которых изучаются социальные процессы, происходящие в различных этнических плоскостях, а также эффекты этнического многообразия, определяющие различные социокультурные, социополитические, социоэкономические, межличностные и другие процессы, происходящие в больших и малых группах.

Исследовательские интересы формировались во многом и в результате событий, происходивших внутри научного сообщества (обращение к наследию П. А. Сорокина, М. М. Ковалевского, знакомство и освоение теорий и идей западно-европейской традиции изучения феномена этничности в социальных науках, междисциплинарная и методологическая интеграция этносоциологии в различных регионах СССР), и в результате наблюдения и

анализа объективных процессов, происходивших в стране и имеющих непосредственную связь с этничностью и этническим колоритом. Л. М. Дробижева отмечает следующие основные проблемы и направления отечественной этносоциологии: «Социальные аспекты этноконфликтных и постконфликтных ситуаций, отношение социальных групп к этнополитическим инновациям периода принятия деклараций о суверенитетах республик и новых конституций, реакции на введение государственных языков в республиках и социальные последствия этих актов, влияние новых социальных иерархий на межэтнические отношения, в том числе проблема участия во власти людей разной этнической принадлежности; новые статусные роли взаимодействующих групп, этнический фактор в социальных перемещениях, социальные аспекты адаптации новых миграционных потоков (новая этничность), изменяющиеся социокультурные дистанции групп, наконец, формирование новых идентичностей и солидарностей, – прежде всего, изучение социальных и социально-политических факторов формирования российской идентичности; соотношение гражданской, региональной и этнической, а также амбивалентной и “дрейфующей” идентичностей, социальная обусловленность толерантности – интолерантности в разных регионах страны. В соответствии с расширяющейся тематикой, естественно, вставали вопросы, связанные с пониманием предмета этносоциологии как направления социологического знания, используемых в ней методов» [1].

С момента оформления этносоциологической области сразу проявился ее междисциплинарный характер, поскольку этническую специфику невозможно изучать в отрыве от таких областей, как история, психология, этнография, этнология, история и теория политики, экономика, демография и пр.

Предметная область этносоциологии изначально сформировалась довольно обширная. Учитывая полиэтничность государства, в фокус изучения попали социальная структура народов, населявших республики и другие административные образования, особенности изменений, происходящие в их среде, социальное расслоение и неравенство, миграция, внутриобщинные и внутрисемейные отношения (их специфика), использование языков и причины такого выбора в разных социальных группах, соотношение модернизированной и традиционной культуры, особенности взаимодействия городского и сельского населения (как между собой, так и внутри сообществ), межкультурное взаимодействие, межэтнические отношения, этническое самосознание и собственно этничность [2].

На формирование современной отечественной этносоциологии оказали влияние два обстоятельства. Во-первых, у ее истоков стояли специалисты, зарекомендовавшие себя в других областях социологии: Ю. В. Арутюнян и О. И. Шкаратан занимались социальной структурой, И. С. Кон – социологией личности. Во-вторых, огромную поддержку только-только формирующейся тогда дисциплине оказал академик Ю. В. Бромлей – директор Института этнографии. При его непосредственном участии этносоциологическая проблематика в институте получила зеленый свет. Продолжая разрабатывать собственную тематику – социальную структуру, урбанистику, село, личность, ученые обратили внимание и на этнический аспект [3, с. 29].

В первых крупных реализованных проектах начала доминировать социологическая составляющая («Социальные и этнические процессы в Татарской АССР», рук. Ю. В. Арутюнян). Они были посвящены процессам развития и сближения наций и народов, при этом сближение понималось как сходство в уровне включенности этнических групп в урбанизацию. Изучались соотношение социальных структур контактирующих народов, уровень мобильности, сходство в ценностях этнических групп, т. е. разнообразные феномены интеграции и взаимодействия культур.

Преимуществом развития этносоциологии была возможность осуществлять крупномасштабные межреспубликанские сравнительные исследования, возможность реализовывать репрезентативные для взаимодействующих этнических групп (тогда именно такое понятие использовалось в мировой социологии) опросы. Государство выделяло на это средства, а позиция авторитетного центрального академического учреждения позволяла проводить исследования в республиках.

Первым стал репрезентативный опрос в Татарстане, по результатам которого была выпущена книга «Социальное и национальное», широко обсуждавшаяся в СССР, на Международных конгрессах социологии (Варна, 1972 г.) и этнологии (Чикаго, 1973 г.). Данная монография еще в советское время была переведена на английский язык в США. Также следует особо отметить проект «Оптимизация социально-культурных условий развития наций», реализованный под руководством Ю. В. Арутюняна, длившийся двадцать лет (1972–1992 гг.) и охвативший РСФСР, Эстонию, Молдавию, Грузию, Узбекистан (на основании совокупности статистических показателей эти республики были отобраны в качестве наилучшим образом отражающих региональную специфику социально-экономического развития в Союзе). Итогом реализации данного проекта стали коллективные монографии «Социально-культурное сближение наций» (отв. ред. Ю. В. Арутюнян, Ю. В. Бромлей. М.: Наука, 1986) и «Русские, этносоциологическое исследование» (отв. ред. Ю. В. Арутюнян. М.: Наука, 1992). Монография «Современные этнические процессы в СССР», авторами которой являлись Ю. В. Арутюнян, М. Н. Губогло и Л. М. Дробижина, была удостоена Государственной премии СССР [4, с. 73].

Междисциплинарность, объективность, внимание к личности, ориентированность на решение практических задач – такие отличительные черты отечественной этносоциологии проявились уже в первый период ее существования. Поскольку работа велась практически во всех союзных республиках, в ряде автономий Российской Федерации шел процесс формирования научных школ в Татарстане, Карелии, Башкортостане и других республиках.

Проблема этничности. Понятие «этничность» является одной из важных категорий в этносоциологии. Поскольку в широком смысле этничность является исторически сложившейся общностью людей, характеризующейся общностью языка, культуры, ареалом обитания и идентичностью, а также категорией, обозначающей существование культурно отличающихся друг от друга этнических групп и форм идентичности, то встает вопрос о понимании и использовании этого термина в различных областях общественных наук. Единого определения феномена этничности не существует до сих пор, и зависит это в первую очередь от подходов и предметной области, которые используют этот термин, а следовательно, в трактовках феномена этничности: как определяется/воспроизводится этничность или «что такое этничность» (в том числе и в конкретных исторических, политических, социальных условиях)?

Примордиалистский подход исходит из того, что этническая идентификация основана на объективных связях в определенной группе или культуре, которые могут рассматриваться или как преимущественно биологические, или как культурно-исторические. На этот подход оказал сильное воздействие эволюционизм с его интересом к биологическим, генетическим и географическим факторам. Осознание групповой принадлежности как бы заложено в генетическом коде и является продуктом ранней человеческой эволюции. В крайней форме этот подход рассматривает этничность в категориях социальной биологии как расширенную форму родственного отбора. Схожие построения распространены и в российской литературе в рамках так называемой теории этноса, где социальный биологизм вместе с географиче-

ским детерминизмом служат основой крайне уязвимых конструкций «жизни и смерти этносов», их «пассионарности», «психоментального комплекса» и пр.

Примордиалистские версии, отвечая на вопрос «что такое этничность», указывают на:

1) группы, к которым принадлежит человек по рождению и которые обладают набором определенных «объективных» характеристик (при этом свою этническую принадлежность/солидарность человек получает как «данность»);

2) этничность – это культурные характеристики, которые оказываются базовыми элементами самой личности. Примордиализм описывает этничность через ее «объективные характеристики», хотя различные примордиалистские версии весьма расходятся в трактовке специфики и содержания этих объективных характеристик.

Конструктивизм, наоборот, отвергает идею врожденной этничности. Этничность выступает как результат деятельности ряда социальных факторов – это формируемая субъектом принадлежность к культурной группе (идентичность). Конструктивизм стремится описать этничность как осуществляемый процесс деятельности, состоящий в интерпретации (различий), формировании (границ), изобретении (традиций), воображении (сообщностей), конструировании (интересов) и т. д. Варианты конструктивизма весьма различаются в зависимости от того, кто именно выступает в виде конструирующей группы, кто и как осуществляет сам процесс конструирования в его различных вариантах (государство, иная власть, политические элиты, интеллектуалы-идеологи, институции, сама личность) и каков контекст этого конструирования.

Инструментализм, или теория ситуативной этничности, трактуется иногда в качестве одной из возможных форм примордиализма и конструктивизма. Этнос и этничность рассматриваются в качестве инструмента или функции, с помощью которых определенные цели преследуются различными индивидами, группами, политическими силами (власть), элитами и т. д. Этничность для инструментализма формируется и определяется заинтересованными социальными или политическими сторонами или акторами в конкретном историческом или ситуативном контексте. Этничность понимается как роль, которая произвольно обыгрывается каким-либо социальным агентом для достижения поставленной цели. К примеру, различные молодежные и вообще социальные движения в 1970-х гг. имели ярко выраженный этнический характер или же борьбы за власть некоторых групп или политических элит, которые прибегают к теме этничности, чтобы позиционировать себя или добиваться узнаваемости или привилегий (ущемление прав именно этнических групп и т. п.).

В зависимости от того, как трактуется роль, инструментализм может иметь основания примордиализма (ситуативное использование роли) и конструктивизма (роль формируется в процессе самого действия) [5].

Этнические миграции: проблемные области. Этнические миграции тесно связаны с общим пониманием миграционного процесса, в котором предполагается выделение таких компонентов, как субъект процесса (мигрант), потребности, объективные условия и субъективные факторы, причины различных поступков и миграционные действия. Центральное место в миграционном процессе занимает субъект. Социальными субъектами миграционных процессов являются: мигрант – лицо, совершающее территориальное передвижение (миграцию) со сменой места жительства и работы навсегда или на определенный срок, и мигранты как социальные группы, перемещающиеся из точки исхода в точку прибытия. Дополнительно выделяют группы потенциальных мигрантов и немигрантов в качестве субъектов миграционного процесса личности и социальные группы, взаимодействующие между собой на всех эта-

пах миграции: в обществе отбытия при принятии решения о миграции, на стадии непосредственного передвижения и в принимающем обществе [6].

Таким образом, миграционный процесс представляет собой череду социальных взаимодействий, происходящих в отсылающих и принимающих обществах, обусловленных причинными зависимостями и ведущих к перемене положения субъектов в каком-либо социально-территориальном пространстве.

Что касается этнических миграций, то в научной литературе этот вопрос дискуссионен. Многие исследователи утверждают, что различия существуют прежде всего в связи с неодинаковым пониманием этничности как определяющего фактора миграционных процессов. Например, в энциклопедическом словаре «Народонаселение» для этого понятия приведены два существенно различающихся смысловых пояснения: этнические миграции определяются, во-первых, как миграции населения, в которых участвуют люди определенных этнических (национальных) принадлежностей; во-вторых, как миграции, где на первый план выступает роль этнического фактора [7, с. 572]. Наряду с «этнической миграцией» существуют такие понятия, как «репатриация», «реэмиграция», «возвращение», использующиеся как инструмент анализа этнических миграционных потоков. Дискуссия вокруг этих понятий возникла в связи с необходимостью обозначения характера миграционного движения на постсоветском пространстве, прежде всего русских к местам исторического проживания.

Несмотря на близость явлений, описываемых понятиями «репатриация» и «реэмиграция», между ними существуют определенные смысловые различия. Так, в реэмиграции подчеркивается ее самостоятельный и добровольный характер, в то время как под репатриацией понимается возвращение в страну гражданства или происхождения, осуществляемое обычно на основе международных договоров (оно может быть недобровольным). В международной практике репатриацию относят к долгосрочным программам государственной политики принимающей страны при решении проблем беженцев, в частности, их возвращения домой. Как указано в энциклопедическом словаре «Народонаселение», в «Многоязычном демографическом словаре» отмечается, что «возвращение на родину именуется также репатриацией, но этот термин обычно применяется только в тех случаях, когда переезд лиц, задержанных или задерживающихся в чужой стране, организуется государственной властью». В данном случае речь идет о возвращении конкретных мигрантов в страну (на территорию) своего постоянного проживания, какое-то время вынужденно находящихся в другой стране (на другой территории). Страной, организующей репатриацию, может быть как страна приема, так и страна возвращения [7].

В процессе развития и расширения тематического ареала миграционных исследований в сферу интереса включается все больше тем для изучения. Так, представление о мигранте как о молодом мужчине, не связанном семьей, приехавшем в другую страну на заработки, перестает быть таким однозначным, и внимание исследователей обращается на женщин-мигрантов и на детей-мигрантов. Значительный рост исследований новых поколений мигрантов в последние двадцать лет обусловлен тем, что процент женщин-мигрантов с детьми заметно вырос. Дети мигрантов оказываются также неоднородной группой (в настоящее время разрабатываются концепции, нацеленные на объяснение встраивания в принимающее общество разных групп мигрантов внутри новых поколений).

Поскольку у каждого поколения мигрантов есть свои специфические особенности и характеристики, появился еще один уровень, который с конца 1980-х гг. получил название

«полуполторное поколение». Одним из значимых выводов проведенных исследований является то, что траектория детей мигрантов в принимающем обществе, успешность адаптации и интеграции зависит от ряда факторов, в том числе от стадий жизненного цикла, на который приходится процесс миграции [8].

Относительно термина «полуполторное поколение» нет полного согласия, и дискуссии ведутся до сих пор. Наиболее распространенным критерием выделения полуполторного поколения является диапазон возраста, на который приходится миграция. Однако эти критерии также различаются от исследования к исследованию, что обусловлено спецификой страны, региона, характера миграции и культурно-историческими особенностями. Российские социологи выделяют промежуток 13–19 лет. Другие исследователи говорят о миграции в «период формирования личности» соединяя его со свободным владением двумя языками и знанием культурных образцов посылающего и принимающего общества. Однако степень владения языками принимающей и отсылающей стороны также варьируется среди детей-мигрантов. Американские исследователи Портес и Румбо выделяют четыре типа билингвов [9]:

- свободные билингвы;
- билингвы с преобладанием английского языка;
- билингвы с преобладанием другого (иностранный) языка;
- ограниченные билингвы.

Релевантность такой классификации в российском контексте подтверждает исследования Д. Александрова на материале петербургских школ [10, с. 80–81]. Он же предлагает разбить группу детей-мигрантов на три подгруппы в зависимости от возраста прибытия в Россию:

- 1) приехавшие в Россию в школьном возрасте, имевшие опыт посещения школы в посылающей стране;
- 2) приехавшие в Россию непосредственно перед поступлением в школу (в возрасте 6–7 лет), не имевшие опыта посещения детского сада в России;
- 3) приехавшие в Россию в младенческом возрасте или родившиеся в России.

Общим местом всех исследований является то, что концептуализации полуполторного поколения строятся вокруг промежуточного положения этой группы.

Изучение полуполторного поколения опирается на концептуализации, классические для миграционных исследований: теории маргинального человека, положение которого характеризуется «промежуточностью», отсутствием принадлежности к конкретному социальному миру. Полуполторное поколение – это одновременная множественная маргинальность. Сейчас в литературе можно проследить по крайней мере две альтернативные стратегии развития этого концепта:

- как поколение, аналогичное первому и второму поколениям, задаваемое рамками возраста;
- как «полуполторная идентичность».

Основными вопросами, которые затрагиваются при изучении полуполторного поколения, являются языковая и культурная компетенции, отношения с родителями, выстраивание самоидентификаций, траектории более успешного или менее успешного встраивания в принимающее сообщество.

Очень много работ посвящено теме интеграции и адаптации мигрантов в принимающих обществах. Исследования ведутся на предмет наличия или отсутствия интеграции как отдельных мигрантов, так и этнических групп, дискуссионным является вопрос, что такое интеграция, на каких уровнях эффективнее всего ее проводить, какая интеграция успеш-

ная, а какая нет, как протекает адаптация отдельных мигрантов в различных реалиях (город, мегаполис, сельская местность, профессиональная среда и пр.), какие факторы влияют на успешность/неуспешность адаптации и т. д.

Если говорить о миграционной политике России, реализуемой с 2007 г., которая направлена на создание условий, способствующих селективному приему мигрантов, их успешной социальной адаптации (с возможной интеграцией части из них), то проблемы социальной адаптации мигрантов становятся ключевыми факторами успешной реализации государственной миграционной политики.

Например, появляются работы, основанные на результатах исследовательских проектов, проводимых в различных городах России, которые эмпирически изучают уровни адаптации и различия в восприятии социальной, культурной сред российских городов иноэтничными трудовыми мигрантами и принимающим населением [11]. Такие данные необходимы для разработки правовых, институциональных инструментов для социализации представителей мигрантских этнических меньшинств, их успешной адаптации и предотвращения социальной исключенности, снижения рисков роста социальной напряженности.

Очевидно, что восприятие городской среды местным населением и мигрантами различается. Эти различия обусловлены социальными и культурными ценностями, социальной активностью, социальными связями – всем тем комплексом, который в российском дискурсе трактуется как разница в культурах, нормах и традициях поведения мигрантов и принимающего населения.

Исследователи отмечают, что:

- 1) поскольку социальные, культурные и экономические различия внутри конкретного принимающего социума также существуют, то они и определяют его интегрированность;
- 2) различия в восприятии городской среды принимающим населением и мигрантами существенно зависят от опыта пребывания в этой среде, нацеленности мигрантов на адаптацию и интеграцию в конкретный городской социум. И эти различия быстро нивелируются, особенно если мигрант обладает человеческим, социальным капиталом либо нацелен на его приращение [11].

Социоантропологический проект в пространстве г. Томска был как раз посвящен структурированию социокультурной адаптации мигрантов. В рамках проекта были выявлены четыре стратегии, а также механизмы их реализации [12].

1. Стратегия «геттоизации». Она реализуется в ситуациях, когда мигранты, оказавшись в новом окружении, стремятся избежать прямых контактов с чужой культурой и тем самым устранить негативные симптомы культурного шока. Мигранты создают свой особый микромир, в котором присутствует исключительно «своя» этнокультурная среда, живут свои соотечественники и соплеменники. Такая «независимость», как правило, характерна для представителей этнических меньшинств (переселенцев и беженцев), проживающих в крупных городах, индустриальных центрах, мегаполисах.

2. Стратегия «культурной колонизации». Она характеризуется активным проявлением у мигрантов этноцентризма и интолерантности. В данном случае новая реальность воспринимается крайне неадекватно и враждебно, другая культура резко критикуется и отвергается. Более того, мигранты (колонизаторы) активно стремятся перенести свои атрибуты культуры и этнические стереотипы в новую среду, навязать принимающему окружению собственное мировосприятие и образ жизни. Как правило, подобная стратегия ведет к конфликтам и неприятию местными жителями всех или большинства иноэтничных.

3. Ассимиляция, предполагающая отказ мигрантов (добровольный или вынужденный) от родной культуры и полную идентификацию («растворение») с новым этнокультурным сообществом. Такую стратегию выбирают люди, которые решили по каким-то причинам сменить место постоянного проживания и активно вовлечены в процессы социализации на новом месте с новыми культурными и социальными реалиями.

Необходимо отметить, что ассимиляция как результат полного слияния с принимаемым сообществом в рамках одного поколения никогда не происходит, в связи с чем многие исследователи предпочитают использовать термины «инкультурация» или «адаптация». Также в современном научном дискурсе термин «ассимиляция» постепенно вытесняется из употребления в связи с его характером «предписанности» и однозначным смыслом.

4. Интеграция (аккультурация) – наиболее предпочтительная и успешная стратегия адаптации, заключающаяся в сохранении этноменьшинствами своей культуры и параллельной интернализации ими инокультурных атрибутов. Такая модель предполагает также активизацию межкультурного диалога между мигрантами и доминирующим этническим (или национальным) большинством, взаимное приспособление последних: меньшинствам необходимо усвоить базовые ценности, нормы, знания и образцы новой социокультурной среды, а принимающему сообществу – адаптировать свои социальные институты к потребностям и запросам всех составляющих его этнических групп [13].

Изучение содержания психологического компонента аккультурации и адаптации мигрантов не раз проводилось в Москве. Целью одного такого исследования явилось изучение взаимосвязи аккультурационных стратегий мигрантов и их психологического благополучия в поликультурном мегаполисе. Субъектами опроса являлись карачаевцы и балкарцы.

Задачи исследования сводились к следующему:

1. Выявить доминирующую стратегию адаптации мигрантов в поликультурном мегаполисе.

2. Выявить взаимосвязь аккультурационных стратегий мигрантов с их психологическим благополучием, показателями психологического здоровья и социокультурной адаптацией.

Теоретическая гипотеза исследования состояла в следующем: стратегии аккультурации (интеграция, ассимиляция, сепарация, маргинализация (по модели «аккультурационных стратегий» Дж. Берри), предпочитаемые группой мигрантов, имеют различный характер взаимосвязей с психологическим благополучием, психическим здоровьем и социокультурной адаптацией.

Проверка гипотезы проводилась с помощью опросника, в который вошли следующие методики:

1. Шкалы для измерения установок на аккультурацию:

1) шкала для измерения установки на сепарацию включала в себя 4 пункта. В нее входили, например, такие вопросы: «Я предпочитаю участвовать в таких мероприятиях, в которые включены только карачаевцы (балкарцы)», «Я предпочитаю иметь в качестве друзей только карачаевцев (балкарцев)» и т. п. Оценка проводилась с помощью пятибалльной шкалы от 1 – «абсолютно не согласен» до 5 – «абсолютно согласен»;

2) шкала для измерения установки на маргинализацию включала в себя 4 пункта. В нее входили, например, такие вопросы: «Для меня не важно владеть в совершенстве ни карачаево-балкарским, ни русским языками», «Я предпочитаю не иметь ни карачаевских (балкарских), ни русских друзей» и др. Оценка проводилась с помощью пятибалльной шкалы от 1 – «абсолютно не согласен» до 5 – «абсолютно согласен»;

3) шкалы для измерения установки на интеграцию, на ассимиляцию, для измерения удовлетворенности собой, удовлетворенности жизнью также включали в себя 4 пункта.

2. Шкалы для измерения психологических проблем:

1) шкала для измерения уровня депрессии включала в себя 8 пунктов. Например, такие: «Я чувствую усталость», «Я чувствую себя одиноким даже рядом с другими людьми». Оценка проводилась по пятибалльной шкале от 1 – «никогда» до 5 – «всегда»;

2) шкала для измерения уровня тревоги включала в себя 7 пунктов. Например, такие: «Я напряжен и взвинчен», «Я беспокоюсь о том, что со мной может случиться что-то плохое» (пятибалльная шкала);

3) шкала для измерения социокультурной адаптации включала в себя 20 пунктов. Например, такие как: «Иметь дело с представителями власти», «Находить жилье», «Соблюдать свою религию» и др. Оценка проводилась с помощью пятибалльной шкалы от 1 – «никаких трудностей» до 5 – «чрезвычайные трудности».

В ходе исследования была выявлена взаимосвязь стратегий межкультурного взаимодействия с психологическим благополучием, показателями психологического здоровья и уровнем дезадаптации.

Такие показатели, как выбираемые аккультурационные стратегии, взаимосвязаны с психологическим благополучием, а именно с удовлетворенностью собой, показателями психологического здоровья (тревожность и депрессия) и социокультурной адаптацией (уровнем дезадаптации). Стратегии межкультурного взаимодействия являются центральным понятием и лежат в основе феномена этнических взаимоотношений и процесса аккультурации. По результатам опроса, большинство респондентов придерживается стратегии интеграции. Вообще, считается, что только стратегия интеграции может быть добровольно выбранной и успешной стратегией аккультурации у групп этнических меньшинств, когда основные установки доминирующей группы по отношению к культурным различиям – открытость и принятие.

Исходя из гипотезы, исследователями было обнаружено, что такая аккультурационная стратегия, как маргинализация, связана с психологическим благополучием, а именно с удовлетворенностью с собой. Обнаруженная связь отрицательна, и это говорит о том, что чем меньше выражена стратегия маргинализации у мигрантов, тем выше их удовлетворенность собой. Стратегия маргинализации заключается в том, что у группы нет стремления ни к поддержанию собственной культуры, ни к поддержанию отношений с принимающей культурой. Индивид, придерживающийся данной стратегии, дезадаптивен, не знает, каких ценностей, стандартов ему придерживаться в своем поведении. В связи с этим его представления и отношение к себе и цели его существования также размыты, и такой человек менее удовлетворен собой. Регрессионный анализ также показал, что стратегия маргинализации связана с такими показателями психологического здоровья, как тревожность и депрессия [14].

Социально-политический аспект традиционно рассматривается в России в контексте миграционной политики и политики интеграции. Миграционная и национальная (этническая) политика рассматривается властями, СМИ и общественностью в неразрывной связи. Особенность российской ситуации в том, что этничности придается большое значение: многие социальные, политические, экономические проблемы сводятся к поиску причин, лежащих в области межнациональных отношений, этническая принадлежность выступает определяющей в отношении «свой/чужой».

В. И. Мукомель отмечает, что миграционная и национальная политика стала оцениваться сквозь призму проблем национальной и общественной безопасности, приобретших исключительное значение с начала 2000-х гг. Миграционная политика рассматривается властями не только как внутривластный, но и как внешнеполитический ресурс. Кроме того, произошли существенные сдвиги в самих миграционных процессах. Политические факторы миграции, доминировавшие в 1990-х, почти исчезли; решающее значение приобрели экономические мотивы. Приток иммигрантов снизился в 2000-х гг. на порядок, стабилизировавшись на относительно низком уровне (данные на 2009 г.), численность временных трудовых мигрантов, в большинстве своем являющихся представителями коренных этнических групп государств СНГ, напротив, резко возросла. Ксенофобные настроения, разделяемые большинством населения России, проецируются на представителей мигрантских, нетрадиционных для данной местности меньшинств. Отмечается, что особо негативно россияне относятся к выходцам из стран Закавказья и республик Северного Кавказа, государств Средней, Юго-Восточной Азии, к цыганам [15].

В данном контексте устойчиво работают различные дискриминационные социальные практики, в основе которых лежат антимигрантские настроения, одобрение большинством населения административных и иных мер, препятствующих интеграции мигрантов. Создается специфический фон для дискриминационных социальных практик на рынках труда и жилья, получающих широкое распространение (дискриминация наблюдается в области социальных, культурных, экономических прав, однако наиболее болезненны для мигрантов практики дискриминации в сфере занятости и найма жилья: сложности выхода на рынок труда и жилищного обустройства затрудняют аккультурацию и интеграцию мигрантов, способствуя их изоляции) [15].

Важный аспект, выпадающий из дискуссий о дискриминации иммигрантов, – тот факт, что их труд чаще всего носит принудительный характер. Задержка и невыплата заработной платы, удержание удостоверений личности, иных личных ценностей, угроза выдачи властям и депортации давно стали повседневными социальными практиками. Треть экспертов считает, что все или почти все мигранты в той или иной степени вовлечены в принудительный труд [16].

Очевидно, что подобные экономические практики работодателей очень сильно затрудняют интеграционные процессы для адаптации внешних мигрантов не только на рынке труда, но и в социально-бытовых условиях. Получается, что, используя и поощряя принудительный труд, сами работодатели и некоторые представители институтов власти способствуют активному «выталкиванию» мигрантов из правового поля системы, заставляя уходить в подполье (многие так называемые нелегальные мигранты сами запирают себя в пределах стройки или другого объекта, где они находятся, и мотивируется это не только страхом облавы, но и логикой самого их пребывания и объективными условиями, правилами пребывания трудового мигранта в России: «Зачем я поеду домой, меня же на три года не пустят? Я лучше останусь здесь»).

Устранение дискриминации – необходимое условие социальной адаптации мигрантов, перевода части социокультурных различий между ними и принимающим населением из разряда «значимых» в «незначимые». Этому процессу будут способствовать такие факторы, как знакомство мигрантов с традициями, обычаями, культурой местного населения, элементарные знания о функционировании социальных институтов принимающего общества, что в дальнейшем повлияет на успешную политику адаптации и интеграции мигрантов и послужит условием для предотвращения конфликтных ситуаций между ними и местным населением.

Дезинтеграционная миграция имеет мало общего с правом человека на свободу передвижения и выбора, труд и его достойную оплату, защиту от произвола и беззакония. Для основной массы мигрантов сложность жизни на чужбине усиливается архаичными, неправовыми практиками, погружением в трудовые отношения, далекие иногда от картинок модернизированного производства всех уровней. Некоторые ученые говорят о драматизме положения, при котором господствующие на постсоветском пространстве модели социально-экономического развития определяют форму трудовой миграции соотечественников (особенно это касается экономических и институциональных практик в некоторых государствах Средней Азии). Ее качества, «вмонтированные» в социокультурную повседневность российского социума, мотивируют преимущественно дезинтеграционные, а не интеграционные практики, порождаемые взаимодействием ряда факторов [17].

Также актуальная тема последних лет – изучение дискриминационных практик в экономической сфере, которые определяют стратегии трудоустройства мигрантов: это практики работодателей, теневые структуры бизнеса (теневое посредничество), роль диаспор в рекрутировании новых работников на предприятия и их (диаспор) мотивы.

Едва ли не половина работодателей по-прежнему выступает инициаторами нелегальной трудовой миграции в страну, применяя для этого различные способы. Один из таких способов – предложение иностранным гражданам, получившим в ФМС разрешение на работу, трудоустроиться без оформления трудового договора либо по фиктивному договору. Подобные практики были бы затруднены, если бы в этом недобросовестным работодателям не помогали посредники. Распространенность «теневого» посредничества позволяет определить его как неформальный институт, представляющий собой совокупность ролей и статусов, предназначенных для извлечения выгоды в процессе оказания услуг субъектам миграционных отношений. «Теневое посредничество» выступает альтернативой системе государственных услуг мигрантам, является результатом организационной деятельности социальных групп (часто этнических), занятых оказанием платных незаконных услуг по рекрутированию, транспортировке, размещению, трудоустройству нелегальных и легальных мигрантов, выполнению различных формальностей, связанных с документами, возвращением на родину [17].

Научный интерес также представляет посредническая деятельность организаций, действующих в рамках диаспор. Подобными организациями, по разным оценкам, обеспечиваются приток и обслуживание от 50 до 90 % общей численности трудовых мигрантов в различных субъектах РФ. Лидеры диаспор, как правило, тщательно скрывают свой бизнес либо заявляют о бескорыстной помощи соотечественникам. Автору не раз приходилось слышать от своих друзей среди информантов о том, что «с нашим землячеством лучше не связываться». Проблема эта практически не изучена, тогда как в целом вопрос о развитии диаспор в России давно является объектом содержательного дискурса (работы С. А. Арутюнова, М. А. Аствацатуровой, В. А. Тишкова, Ж. Т. Тошенко).

Устойчивый интерес исследователей вызывает такой феномен, как социальные сети мигрантов. В рамках проекта ЦНСИ (Центр независимых социологических исследований, Санкт-Петербург) в 1997–1999 гг. было проведено исследование «Кавказцы в российском городе: стратегии интеграции на фоне ксенофобии», посвященное исследованию социальных сетей, сформированных экономическими мигрантами.

Под социальными сетями авторы понимают «стабильные модели непосредственного взаимодействия между людьми» [18]. В ситуации социальной неопределенности мигранты

начинают активно выстраивать социальные сети, наращивая таким образом социальный капитал. Новые социальные связи позволяют мигрантам обустроиваться: находить жилье, работу, устраивать детей в школы, пользоваться услугами медицинских учреждений и т. п. В экономической жизни социальные сети открывают мигрантам доступ к финансам, рабочим местам и, что особенно важно, к информации.

На основании используемой методологии, большого количества интервью и наблюдений исследователи выделили пять основных факторов, определяющих организацию социальных сетей мигрантов: легкость (простота, беспроблемность); рациональность (выгода); доверие; давление извне (вытеснение); пространство.

«Этничность» не попала в список факторов, ключевых для организации социальных сетей мигрантов. Элемент этничности, несомненно, не может совершенно не приниматься во внимание, однако для информантов этничность не являлась достаточно важным ориентиром в их экономическом поведении. Это очевидно, если обратиться в первую очередь к анализу реальной деятельности мигрантов. В результате исследования были сделаны следующие выводы:

«1) социальные сети мигрантов с Кавказа в Петербурге, в частности те, что носят экономический характер, организованы не по критерию этничности, т. е. они не созданы сознательно социальными агентами, субъективно ориентирующимися в своих действиях на этническую принадлежность тех, с кем они взаимодействуют;

2) гораздо большее значение в этих отношениях (по сравнению с этнической идентичностью) имеет позиция экономического мигранта, которая и вынуждает мигрантов строить свои социальные сети, ориентируясь на легкость и удобство, выгодность, доверие/контроль и другие принципы...» [19].

Представленный материал составляет лишь небольшую часть научно-практического и теоретического разнообразия тем, разрабатываемого в междисциплинарном поле изучения миграционных процессов. Теоретические и практические разработки ведутся в разных городах и на базе большого количества научных центров и различных лабораторий. Поскольку междисциплинарность миграционных проблем очевидна, их разработку ведут социологи, социальные и культурные антропологи, этнологи, а затрагиваемые сферы и области (экономика, политология, право, социальные и культурные особенности и пр.) подтверждают междисциплинарный характер проблемы. Этносоциологическая традиция, объединяя этническую проблематику на междисциплинарном уровне и используя уже наработанные данные и знания, является концептуализирующим пространством в изучении миграционных процессов, что будет способствовать развитию и укреплению своей уникальной области.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дробижева Л. М. Методологические проблемы этносоциологических исследований // Социол. журн. 2006. Т. 0, № 3-4. С. 89-101.
2. Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология: учеб. пособие. М.: Аспект-Пресс, 1999. 271 с.
3. Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М. Пройденные пути и некоторые проблемы современной российской этносоциологии // Этносоциология вчера и сегодня / отв. ред. и сост. Л. В. Остапенко, И. А. Субботина. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2016. 474 с.
4. Маликова Н. Р. Инновационный потенциал этносоциологии // Этносоциология вчера и сегодня / отв. ред. и сост. Л. В. Остапенко, И. А. Субботина. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2016. 474 с.

5. Здравомыслов А. Г., Цуциев А. А. Этничность в постсоветском пространстве: соперничество теоретических парадигм // Вестн. ин-та цивилизаций (Владикавказ). 2001. № 4. С. 125–154.
6. Рыбаковский Л. Л. Миграция населения (вопросы теории). М.: Некоммерческий фонд – Ин-т социально-экономических и политических исследований, 2003. 240 с.
7. Народонаселение: энциклопедический словарь / гл. ред. Г. Г. Меликьян. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. 640 с.
8. Рочева А. Л. «Полуторное» поколение мигрантов: множественная маргинальность (обзор литературы). URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=2355> (дата обращения: 25.08.2017).
9. Portes A., Rumbaut R. Legacies: The Story of the Immigrant Second Generation. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press; New York: Russel Sage Foundation, 2001. 455 p.
10. Александров Д. Д., Баранова В. В., Иванюшина В. А. Дети из семей мигрантов в школах Санкт-Петербурга: предварительные данные: рабочие материалы НУЛ СОН. СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2011. 100 с.
11. Социальная среда российских городов в восприятии «гастербайтеров» и местного населения / К. Григорьева, И. Кузнецов, В. Мукомель, А. Рочева. М.: Ин-т социологии РАН, 2010. 83 с.
12. Кашпур В. В., Поправко И. Г. Социокультурная адаптация мигрантов (Томский кейс) // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2012. № 354. С. 88–93.
13. Южанин М. А. О социокультурной адаптации в иноэтнической среде: концептуальные подходы к анализу. URL: <http://2008.isras.ru/files/File/Socis/2007-05/Yuzhanin.pdf> (дата обращения: 15.06.2017).
14. Боттаева З. Х. Аккультурационные стратегии адаптации мигрантов и их психологическое благополучие // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2008. № 4 (11): в 2 ч. Ч. II. С. 37–43.
15. Мукомель В. И. Миграционная политика и политика интеграции: социальное измерение // Россия реформирующаяся: Ежегодник–2008. Вып. 7. М.: Ин-т социологии РАН, 2008. С. 250–272.
16. Принудительный труд в современной России. Нерегулируемая миграция и торговля людьми. URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/---sro-moscow/documents/publication/wcms_308835.pdf (дата обращения: 16.06.2017).
17. Дмитриев А. В., Пядухов Г. А. Интеграционный и дезинтеграционный потенциал практик взаимодействия социума и мигрантов // Россия реформирующаяся: Ежегодник–2010. Вып. 9. М.: Новый Хронограф, 2010. С. 209–225.
18. Рона-Тас А. Устойчивость социальных сетей в посткоммунистической трансформации Восточной Европы // Неформальная экономика. Россия и мир / под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999. С. 396–411.
19. Бредникова О., Паченков О. Этничность «этнической экономики» и социальные сети мигрантов // Экономическая социология. Электронный журн. 2002. Т. 3, № 2. С. 71–81.

M. P. Zamotin

Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

MIGRATION SUBJECT-MATTER IN THE INTERDISCIPLINARY SPACE OF ETHNOSOCIOLOGY

Migration studies and questions from an importance position for ethnosociological space of studying of migration problems in Russia and the related problems of ethnosociology as identity, ethnicity, conflict, and ethnic structure are considered. The attention is paid to a problem of ethnicity and approaches to its interpretation. Special attention is paid to the aspect of ethnic migration as a phenomenon as well as from the point of view of approaches. A number of problem areas in the study of ethnic migration such as: a generational problem, adaptation strategies in the urban environment (based on the examples of particular research), political measurement of migration, discriminatory social practices, formation of social networks of migrant communities are considered in the article.

Ethnosociology, ethnicity, migration, identity